УДК 343.3

Полякова Дарья Денисовна, научный сотрудник организационно-научного отделения научного центра ВЮИ ФСИН России, г. Владимир, Российская Федерация

e-mail: massepaiin@yandex.ru

Другов Игорь Валерьевич, командир отделения (курсантов) , 4-го курса ВЮИ ФСИН России, г. Владимир, Российская Федерация

e-mail: drugoffigor@yandex.ru

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ КОНКРЕТИЗАЦИИ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 210.1 УК РФ

Аннотация. В данной статье рассматривается актуальность состава преступления, предусмотренного ст. 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации «Занятие высшего положения в преступной иерархии», приводится судебная статистика, анализируются объективная сторона занятия высшего положения в преступной иерархии, рассматриваются проблемные вопросы диспозиции данной статьи и предлагаются решения рассмотренных проблем.

Ключевые слова. Уголовный кодекс Российской Федерации, занятие высшего положения в преступной иерархии, ст. 210.1 УК РФ.

Polyakova Darya Denisovna, Researcher at the Organizational and Scientific Department of the Scientific Center of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir

e-mail: massepaiin@yandex.ru

Drugov Igor Valeryevich, Squad Leader (of cadets) of the 4th year Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir

e-mail: drugoffigor@yandex.ru

ON THE NEED TO SPECIFY THE OBJECTIVE SIDE OF THE CRIME PROVIDED FOR IN ARTICLE 210.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. This article examines the relevance of the elements of the crime provided for in Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, analyzes the objective side of holding the highest position in the criminal hierarchy, considers problematic issues related to the disposition of this article, and proposes solutions to the problems discussed.

Keywords. The Criminal Code of the Russian Federation, occupying the highest position in the criminal hierarchy, Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Проблемный вопрос групповой преступности и проявления среди данных групп приверженности к тюремной субкультуре особо остро стоял в Российской Федерации с конца XX века. Формирование нового государства, ряд экономических преобразований и упадков, к примеру, переход от командной экономики к рыночной, приватизация государственной собственности, и ряд других причин дали большой толчок к формированию преступных группировок и сообществ. Данные факторы выливались в создание так называемых организованных преступных групп, которые негативно отражались на криминогенной обстановке России в 90-е годы, и держали в страхе как граждан нашей страны, так и государственное органы в целом.

Стоит отметить, что в настоящее время данный вид преступной деятельности не несет такой массовости, как это было несколько десятков лет назад, но немаловажным остается факт колоссальной повышенной общественной

опасности, исходящей даже от существования такого рода преступных организаций. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2025 году в рамках деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей было окончено 289 уголовных дел (АППГ – 282), предусмотренных ст. ст. 208-210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Напомним, что данными статьями предусмотрена уголовная ответственность за бандитизм, организацию незаконных формирований, банд и преступных организаций и участие в них. Кроме того, согласно отчету о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации, всего за 2025 год было осуждено 37 человек за совершение преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ «Занятие высшего положения в преступной иерархии» (АППГ – 23), что говорит о крайней актуальности исследуемой темы для поддержания правопорядка в российском обществе [2].

Законодатель Российской Федерации, обращая внимание на данную проблему, принимает диспозиции в Уголовном кодексе Российской Федерации, а именно ст. ст. 208 – 210.1 УК РФ. Именно эти уголовно-правовые нормы устанавливают ответственность за преступную деятельность, осуществляемую в групповой форме. Важнейшим дополнением является факт того, что в настоящее время п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ характеризует все формы соучастия как отягчающие обстоятельства. Кроме того, мы знаем, что законодатель предусматривает в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации содержание в ряде статей соучастия как квалифицирующего, или особо квалифицирующего признака. Таким образом, Уголовным кодексом Российской Федерации в любом случае предусмотрено выделение ряд форм и общественно опасных деяний, совершенных несколькими лицами, в отдельные составы преступления, что на наш взгляд является рациональным мнением, так как в силу повышенной общественной опасности данных криминогенных явлений,

комплексность и всеобъемлемость норм должна быть достаточной для борьбы с преступлениями, совершаемыми несколькими лицами.

В данной работе особое внимание будет уделено статье 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, которая устанавливает ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии. Анализируя статью 210.1 УК РФ, мы сталкиваемся с тем, что в самом нормативно-правовом акте объективная сторона данного состава преступления описана кратко, и почти совпадает с названием уголовно-правовой нормы, что дает нам некую правовую неопределенность, в том числе выраженную в отсутствии понятия преступной иерархии. Помимо этого, диспозиция статьи 210.1 УК РФ не дает нам целостного представления о формах соучастия, к которым может быть применена данная норма. Также отсутствуют определенные предписания, которые позволяют отчетливо выделить субъект совершаемого общественно опасного деяния. Так, анализируя данную норму, мы можем выделить следующее: законодатель указывает на занятие определенного положения в преступной группе, характеризующейся неизвестной формой соучастия, и неизвестными административно-хозяйственными или иными важными функциями, необходимыми для определения непосредственного лица, или же субъекта преступления.

Так, на примере приговора Саратовского областного суда № 2-4/2025 от 20 марта 2025 г. по делу № 2-4/2025, мы видим, что основные признаки объективной стороны преступления выражаются в фактической реализации деятельности, которая свидетельствует о реальном занятии высшего положения в преступной иерархии. К проявлениям такой деятельности относятся:

– Возможность накладывать запреты на действия осужденных в местах лишения свободы, к примеру, запрет на оказание содействия сотрудникам администрации исправительных учреждений и сотрудникам других правоохранительных органов, а также осуществление контроля, в том числе с помощью самостоятельно назначенных лиц, за соблюдением данных запретов;

– Осуществление координации и руководства деятельностью участников уголовно-преступной среды, с обязательным условием использования своего криминального статуса;

– Реализация неформальной «судебной» функции при разрешении споров между участниками уголовно-преступной среды;

– Ведение учета денежных средств, являющихся преступным доходом организации, контроля за их расходованием, осуществление финансовой поддержки других преступных сообществ;

– Осуществление иных организационно-распорядительных, нормативно-регулирующих и дисциплинарных функций в уголовно-преступной среде, позволяющих контролировать различные направления деятельности уголовно-преступной среды и обеспечивать ее существование.[5]

Таким образом, судебные органы Российской Федерации опираются на реальное, фактическое осуществление функций лидера преступной иерархии, иными словами, пассивное обладание данным статусом, даже подкрепленное определенными «воровскими признаками», к примеру, определенными татуировками, свидетельствующими о принадлежности в преступной иерархии и руководством ею в частности, не будет являться достаточным основанием для привлечения данного лица к уголовной ответственности [Христюк 2026: с. 99].

В связи с этим, мы считаем, что в рамках диспозиции законодателю необходимо указать, что данный состав преступления не может относится к конкретным преступным сообществам или же преступным организациям, т.к. занятие такого положения относится к взаимодействующим между собой сообществам или организациям и отображает преступный мир в целом. Таким образом, диспозиция должна содержать в себе следующее: продолжающееся выполнение функций авторитетного руководителя в преступной иерархии, т.е. решение возникающих споров, установление правил поведения в преступном мире, принятие решений по разделу сфер влияния, распоряжение финансовыми

потоками, координации деятельности преступных сообществ (преступных организаций). Несмотря на наличие Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12 (ред. от 21.05.2026) «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней) и о занятии высшего положения в преступной иерархии» мы считаем, что данного разъяснения недостаточно для точной квалификаций деяния, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ.

Кроме того, рассматривая полномочия субъекта, тоже могут возникнуть ряд расхождений, так как, говоря о преступном мире, мы не должны забывать о тюремной субкультуре и находящихся в них руководителей, оказывающих широкое влияние на криминальную среду. К примеру, Уголовный Кодекс Грузии представляет альтернативное решение этой проблемы. Так, статья 223.1 Уголовного кодекса Грузии в части первой предусматривает ответственность за членство в воровском сообществе, а в части второй устанавливает уголовно-правовую норму, включающую в себя пребывание лица в положении «вора в законе». Стоит дополнить, что норма содержит в себе еще две части, которые устанавливают ответственность за участие в «воровском сходе» и поддержку данного вида деятельности, но в рамках данного исследования для решения проблемы неопределенности, по-нашему мнению, законодателю необходимо также указать данные преступные направления, а также дифференцировать различия преступной деятельности и установить ответственность за различие занятия определенных положений в рамках преступной иерархии. На возможность заимствования положений из Грузинского Уголовного кодекса также указывают теоретики И.В. Пантюхина, Л.Ю. Ларина [Пантюхина 2020: с. 161]; помимо этого, М.Г. Козловская отметила целесообразность применения данных норм в России [Козловская 2018: с. 176-178].

Немаловажным вопросом остается определение, с какого момента преступление считается оконченным, поскольку осуждение лица к лишению

свободы за занятие высшего положения в преступной иерархии не лишает его статуса руководителя. Кроме того, если мы будем говорить об этом в рамках тюремной субкультуры, то лица, занимающие положение «вора в законе», зачастую не отказываются от своего криминального статуса [Бычков 2019: с. 28]. Есть подход, что деятельность данного лица можно считать с последнего момента принятия им определенного решения, но, по-нашему мнению, он является нерациональным, так как по общим основаниям данное преступление является длящимся, а в соответствии с принципом справедливости Уголовного кодекса Российской Федерации, никто не может быть осужден за одно и тоже деяние дважды. Таким образом, мы вновь сталкиваемся с проблемой отсутствия нормативного закрепления и расширенной конкретизации объективной стороны преступления, в связи с чем возникают много правовых коллизий и вопросов.

Подводя итоги, следует сказать, в настоящее время законодателю необходимо обратить внимание на рассматриваемую нами уголовно-правовую норму. Несмотря на то, что статья была вновь введена в Уголовный кодекс Российской Федерации в 2019 году, по сей день новых изменений и разъяснении к ней издано не было, в связи с чем возникают ряд вопросов и коллизий, касаемых определения объективной стороны преступления. В рамках решения проблемы нами было предложено обратить внимание на уголовное законодательство Грузии, а также рассмотреть судебную практику по назначению уголовной ответственности за указанное деяние и вывести отдельные разъяснения в части особенностей назначения наказания за данное преступление.

Список использованных источников

1. Бычков В. В. Уголовно-правовая характеристика высшего положения в преступной иерархии (статья 210.1 УК РФ) // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2019. № 3. С. 28.

2. Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Официальный источник. URL: https://cdep.ru/?id=79 (дата обращения: 25.10.2026).

3. Козловская М. Г. Опыт борьбы с организованной преступностью в Грузии // Вестник Омского университета. Серия : Право. 2018. № 2 (55). С. 176, 178.

4. Пантюхина И. В., Ларина Л. Ю. Проблемы регламентации и применения уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ)// Lex Russica. 2020. №10. С. 161

5. Приговор Саратовского областного суда № 2-4/2025 от 20 марта 2025 г. по делу № 2-4/2025 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/BD7CyqDGqUNX/ (дата обращения: 04.09.2026).

6. Уголовный кодекс Грузии [сайт] // URL: https://matsne.gov.ge/ru/document/view/16426?publication=295 (дата обращения 04.09.2026).

7. Христюк А.А. Проблемы определения объективных признаков занятия высшего положения в преступной иерархии // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2026. №1 (51). С. 95-104.